

каждому четвергу; после каждого дождя; или введением наречий или словосочетаний: ежедневно после обеда, каждый раз перед собранием; или с помощью глагольного вида: за час решил задачу – за час решал задачу.

Рассмотренная нами система бинарных оппозиций, объединённых в один аспект (напр., завершённость / незавершённость действия; единичности / разделительность, т.е. повторяемость и т.д.) позволяет нам, в первую очередь, обращать внимание на смысловое значение предложений, включающих временную категорию. синонимичное использование рассмагриваемых синтаксических единиц в речи и грамматическую специфику их выражения.

Литература

1. Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. М., «Провещение», 1971.
2. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., ИЛ., 1960.

В.К. Харченко, С.Г. Григоренко

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

На основе исследования романа «Мастер и Маргарита» мы можем схематично сконструировать булгаковский механизм создания пространственно-временного континуума как непрерывности, целостности и единства пространственных и временных характеристик в создании уникального булгаковского художественного нарратива. Само по себе пространство так же, как и время, представляют и «отдельные» специфические континуумы, и единый, совокупный пространственно-временной континуум. В плане отдельного их изучения нами была разработана следующая схема анализа контекстов романа: оппозиции пространства, реалии пространства, коннотации пространства, метафоры пространства; оппозиции времени в романе, реалии времени, коннотации времени, метафоры времени. К оппозициям пространства относятся: верх – низ, пустотное – заполненное, открытое – закрытое и др. К реалиям пространства в романе относятся описания квартир и площадей, подвалов и городов и т.п. Коннотации пространства в романе прочитываются в широком диапазоне: от сакральных до профанных, от пафосных до игровых, причем нередко в пределах одного и того же микрофрагмента текста, что составляет рельефную черту индивидуальности писателя. Метафорой пространства являются стекло, зеркало, подвал, метафорой-символом становится... примус (27 словоупотреблений). Метафорический и символический блок времени в романе образует метафорика луны (лунный свет, полнолуние, луна, лунный луч)

Континуальность пространства и континуальность времени потребовала, далее, изучения их взаимоусиления через соположение, соседство, дистрибуцию соответствующих концептов, во-первых, а во-вторых, через наложение временных и пространственных характеристик вплоть до феномена, когда одно и то же слово, например дейктический интенсификатор *тут*, или *здесь* (частотность по составленному С.Г. Григоренко слова-

рю соответственно: 306 и 94) в контексте начинает передавать одновременно и временные, и пространственные характеристики. Отдельного анализа потребовал и концепт ДВИЖЕНИЕ, который можно было рассматривать как с позиций лексико-семантического анализа репрезентантов концепта, так и с проекцией на морфологию (специфика грамматического времени в контекстах М. Булгакова). ДВИЖЕНИЕ объединяло время и пространство, но в контекстах романа всегда присутствует и субъект движения, выражаемый у М. Булгакова, как правило, онимом. Пространственно-временной континуума укреплялся инициальным использованием дейктических интенсификаторов, занимающих, как правило, начальную, ключевую позицию в структуре абзаца: *В это время в квартире № 82, под квартирой Латунского, домработница драматурга Кванта пила чай в кухне, недоумевая по поводу того, что сверху доносился какой-то грохот...* (с. 231). *В это время внизу начали слышаться осторожные шаги поднимающегося человека* (с. 196). *В это время под колоннами находился только один человек, и этот человек был прокуратор* (с. 291).

Получается, что пространственно-временная континуальность строится на весьма разнообразном, но художественно цельном языковом материале.

Получается, что для исследования континуума пространства и времени недостаточно исследовать единицы пространственной и временной семантики, здесь действует иррадирующий фон со стороны грамматических форм, намеренного использования дейксиса. Так, по обратному словарю были просчитаны весьма многочисленные формы возвратных глаголов как своего рода грамматические сигналы моносубъектности: *укрылся, возвратился, бросился, вернулся* и т.п.

Получается, что всего лишь фиксация типовых «участников парада» булгаковской прозы, то есть в нашем случае лексем с семантикой времени и пространства, принципиально недостаточна вне фиксации своеобразия самой прозы.

Итак, по-булгаковски

❖ если пространство, то – конкретное, точное, узнаваемое (указан адрес, номер квартиры, этаж, названы и обрисованы детали обстановки, очерчена траектория полета, движения и т.п.): *Иван Николаевич смутился, но ненадолго, потому что вдруг сообразил, что профессор непременно должен оказаться в доме № 13 и обязательно в квартире 47* (с. 52). *Кавалерийская ала, забирая все шире рыси, вылетела на площадь, чтобы пересечь ее в сторонке, минуя скопище народа, и по переулку под каменной стеной, по которой стлался виноград, кратчайшей дорогой проскакать к Лысой Горе* (с. 43).

❖ если время, то – конкретное, точное (указывается дата, часы, протяженность событий в минутах): *Через пять минут председатель сидел за столом в своей маленькой столовой* (с. 99). *...Ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат* (с. 19).

❖ если действующее лицо, то – поименованное: *Аркадий Аполлоно-*

вич, Алоизий Мозарыч, Степа Лиходеев, Варенуха, Тузбубен, Никанор Иванович Босой. По данным частотного словаря словоформ имя *Никанор* повторяется в романе 88 раз, *Коровьев* 188, *Воланд* 186.

Такие установки, такие знаковые предпосылки художественного письма формируют пространственно-временной континуум, то есть в рамках экспериментально-художественной прозы такие устойчивые, регулярные, регулируемые, подчеркнута намеренные авторские установки позволяют...

❖ в режиме пространственно-временного континуума, во-первых, передавать стремительность сменяющихся событий – не разовую, не связанную с кульминацией сюжета, а «пороманную», замечаемую на протяжении разработки всего сюжета, развертывания всего текста: *И двенадцати секунд не прошло, как после Никитских ворот Иван Николаевич был уже ослеплен огнями на Арбатской площади. Еще несколько секунд, и вот какой-то темный переулочек с покосившимися тротуарами...* (с. 52).

❖ В режиме пространственно-временного континуума такие намеренные авторские установки позволяют, во-вторых, передавать фантастичность, фантазийность, ирреальность изображаемого, включающую, с одной стороны, действие потусторонних сил, с другой стороны – странные, нелепые, неожиданные, непонятные, ирреальные действия в оценке и восприятии далеко не только главных героев романа: *И привидение, пройдя в отверстие трельяжа, беспрепятственно вступило на веранду* (с. 54). Известный философ М.К. Мамардашвили писал: «Но самое опасное – останавливаться на видимой понятности, тем самым мы сразу психологически замыкаем понимаемое. И, конечно, непонятное в этом смысле было бы плодотворней, чем понятное. Непонятное не дает нам остановиться...» [3].

❖ В режиме пространственно-временного континуума такие намеренные авторские установки позволяют, в-третьих, передавать моносубъектность повествования щедрой на оттенки и оценки «языковой личности» с включением несобственно-прямой речи: голоса автора, голоса повествователя, голоса самого персонажа того или иного микроотрывка: – *Эх, Никанор Иванович! – задумчиво воскликнул неизвестный. – Что такое официальное лицо или неофициальное? Все это зависит от того, с какой точки зрения смотреть на предмет. Все это, Никанор Иванович, зыбко и условно. Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное! А бывает и наоборот, и еще как бывает!* (с. 94-95).

Экспериментальный во многом по замыслу и исполнению роман «Мастер и Маргарита» может служить иллюстрацией еще одного современного нам положения о языке как инструменте снятия травмы освобождения. «Язык, на котором мы говорим и думаем, – это травма. Сходство красного мясистого тела без костей во рту с незаживающей раной – живая метафора одного из главных свойств языка в лингвистическом смысле – давать человеку средства для осмысления и преодоления личных и общественных травм» [2]. «Странности», «стремительности», «парадоксы» романа призваны психологически снимать у адресата текста реальные драматические переживания быта и бытия в период 20-30-х годов XX века, хотя психотерапевтический эффект таится глубоко в подтексте и вуалируется «за-

нимательностью» происходящего. Как писал Ф.М. Достоевский, «а занимательность я ставлю превыше всего».

Стремительность, фантазийность, моносубъектность в лингвистическом плане романа требуют продолжения поиска. Так, простая регистрация фантазийности уже не может удовлетворять исследователя текста. Классификацию фантазий на материале классических поэтических произведений, включающих идеальный пейзаж, бурный пейзаж, унылый пейзаж, пейзаж воображения, в лингвистике разработал М.Н. Эпштейн. Согласно концепции ученого, пейзаж воображения может строиться на фантазии множества, фантазии хрупкости, фантазии пустоты, импрессионистической фантазии, описании необычных существ, несуществующих стран, конца мира [5]. Эта классификация хорошо иллюстрируется и романом «Мастер и Маргарита», что не случайно: следовательно, классификация носит универсальный характер. Для нас важно, что М. Булгаков использует различные типы фантазий при создании художественного произведения. *Войдя туда, куда его пригласили, буфетчик даже про дело свое позабыл, до того его поразило убранство комнаты. Сквозь цветные стекла больших окон (фантазия бесследно пропавшей ювелирши) лился необыкновенный, похожий на церковный, свет. В старинном громадном камине, несмотря на жаркий весенний день, пылали дрова. А жарко между тем несколько не было в комнате, и даже наоборот, входящего охватывала какая-то погребная сырость. Перед камином на тигровой шкуре сидел, благодушно улыбаясь на огонь, черный котик. Был стол, при взгляде на который богобоязненный буфетчик вздрогнул: стол был покрыт церковной парчой* (с. 199). Приведенный большой отрывок демонстрирует наложение религиозного дискурса (церковная парча), фольклорного (черный кот из блока известных примет), художественного дискурса (описание убранства комнаты) и мистического дискурсов. Усиление мистики идет через нарушение сенсорных, перцептивных ожиданий: в жаркий день топится камин; топится камин, но в комнате сырость; на столе церковная парча, черный кот на тигровой шкуре.

По четырехчастной классификации Б. Тошовича (лексемы порядка, беспорядка, ближе к порядку, ближе к беспорядку), к лексемам беспорядка отнесены: *анархия, бесконечность, беспорядок, дисбаланс, нелогичность, неразбериха, ненадежность, неопределенность, неправильность, непредсказуемость, неравновесие, нерегулярность, несистемность, нестабильность, неточность, неупорядоченность, неясность, ошибочность, переполох, случайность, суета, сутолока, факультативность, хаос, энтропия*. [4]. Слишком много в этом списке слов, каждое из которых могло бы выступать эмблемой романа «Мастер и Маргарита». Не только сквозные образы главных героев романа, но и регулярная пространственно-временная конкретика при обилии «беспорядочных» лексем, почти каждая из которых может стать центром исследования романа «Мастер и Маргарита» (переполох «денежного дождя», разрушения Маргариты; многочисленные свидетельства неопределенности: *какой-то* по частотному словарю-словнику встречается в романе 76 раз, кто-то 37 раз, какая-то 37 раз). Именно так работают пространственно-временные антинормы образцового для художе-

ственной языка М.А. Булгакова романа «Мастер и Маргарита». Анализ соответствующих языковых механизмов дает богатый материал для суждений об особенностях индивидуально-авторской стилистики, об аксиологическом, текстопорождающем и нравственно-философском потенциале романа как об определенном единстве.

Литература

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. – М.: Худлит., 1990. – С. 7-384.
2. Гусейнов, Г. Язык и травма освобождения / Г. Гусейнов // Ноное литературное обозрение. – 2008. – № 6 (№ 94). – С. 13-147.
3. Мамардашвили, М.К. Кантианские вариации / М.К. Мамардашвили // М.: Аграф, 1997. – 320 с.
4. Тошович, Б. Корреляционный (бес)порядок / Б. Тошович // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. – М.: Изд-во «Индрик», 2003. – С. 320-331.
5. Эпштейн, М.Н. Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии / М.Н. Эпштейн // М.: Высшая школа, 1990 – 303 с.

Цуй Ливэй, В.Х.Карасева

ВЫРАЖЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЯ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ ВРЕМЕНИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В русском языке глагол обозначает действие и состояние в формах вида, времени, залога, лица, числа и склонения. Учение о виде и времени глагола является одним из центральных разделов морфологии.

В китайском языке отсутствуют отдельные категории вида и времени как грамматические категории, глаголы не изменяются по родам, лицам и числам.

Как в русском языке, так и в китайском есть категория аспектуальности, наличие которой делает два языка сопоставимыми. Следует отметить, что данная категория в русском и китайском языках имеет не только сходства, но и различия. Сходство состоит в том, что в обоих языках категория аспектуальности является компонентом аспектуально-темпорального комплекса.

Различие заключается в том, что в русском языке в составе видо-временной системы категории вида, времени и аспектуальности более самостоятельны, в китайском языке, поскольку в нем отсутствуют грамматические категории вида и времени, видо-временная форма синкретична. В русском языке, как языке флективном, сфера аспектуальности рассматривается как моноцентричное функционально-семантическое поле, ядром которого является глагольный вид, а периферией – разноуровневые неглагольные средства. В китайском языке, как языке изолирующего типа, аспектуально-временная сфера как функционально-семантическое поле не имеет единственного ядра, значения вида и времени смешиваются, так что данная сфера дуалистична.

Цель данной статьи – сопоставить способы выражения значения длительности действия глаголов в формах прошедшего времени в русском

